

В. В. БЛАЖЕС
Уральский университет

**Обычай публичного осмеяния заводской администрации
как форма социального протеста рабочих
в конце XIX—начале XX века и его отражение
в современных горнозаводских преданиях**

Революционные традиции российского пролетариата начали интенсивно формироваться с середины 90-х годов XIX в. В этом процессе участвовали и уральские рабочие. Формы их социального протеста в конце XIX — начале XX в. были самые разные. Одни из них отвергались социал-демократическими организациями, другие осуществлялись при их непосредственном руководстве, третьи возникали внезапно, стихийно, были насыщены непредсказуемыми движениями рабочей массы, но и в этом случае большевики стремились придать выступлениям рабочих идейно-социальную направленность. К числу таких стихийных форм протеста относится публичное осмеяние рабочими заводской администрации.

До сих пор эта тема освещается в преданиях и рассказах-воспоминаниях рабочих, начинавших свой трудовой путь до Октябрьской революции или в первые годы Советской власти: «На Нейво-Шайтанском заводе был случай: рабочие **на железном чумане** (небольшой короб для вывозки мусора.— В. Б.) **вывезли из завода начальника листопрокатного цеха Е. Новоселова. Сначала его облили водой, а потом осыпали древесным мусором.** Этот начальник потом долго в заводе не бывал. Не приходил»¹. В 1914—1915 гг., как рассказывает Е. С. Балакин, на том же заводе вывезли на тачке мастера цеха². «Рассказывали, что управителя механического цеха в Сысерти на тачке вывезли. Он мошенник был, его не любили. За руки, за ноги — и на тачку, и вытряхнули в речку, чтобы искупался. Я еще помню тех рабочих, которые вывозили»³. Об этом автору статьи приходилось слышать в Алапаевске, Верхней Синячихе, Верхнем и Нижнем Уфалее, Сысерти и в других городах и по-

¹ Спиридонов В. А. Воспоминания. Рукопись (хранится в народном музее пос. Нейво-Шайтанка, Алапаев. р-н, Свердлов. обл.).

² Записано от Балакина Е. С., 1893 г. рожд., в июле 1981 г.

³ Записано от Колегова В. М., 1921 г. рожд., в июле 1982 г.

селках Урала⁴, что и побудило обратиться к архивным и опубликованным источникам, а также к исследованиям. Оказалось, что эта форма социальной борьбы рабочих специально никого из уральских историков и фольклористов не интересовала, существуют лишь отдельные упоминания в исторических работах. Оказалось также, что публичное осмеяние администрации рабочим коллективом, будучи распространенной формой социальной борьбы пролетариата, хотя и принимало в каждом отдельном случае свою ипостась, в целом имело достаточную структурно-композиционную устойчивость и выраженную связь с традициями народной смеховой культуры.

Обращаясь к конкретному материалу, напомним, что уральские рабочие уже во второй половине XIX в., предъявляя администрации экономические требования, одновременно настаивали на удалении некоторых администраторов. Например, в Представлении главного начальника горных заводов Уральского хребта министру финансов о волнениях на Катавских заводах от 17 июня 1861 года говорится, что углежого потребовали не только повышения платы, но и смены приказчиков В. Киселева и Е. Бисярина⁵. В начале XX в. на уральских заводах продолжали оставаться тяжелыми условия труда, были самыми низкими в стране заработки и, кроме того, рабочие часто оказывались в унижительном положении — заводские администраторы сознательно попирали их человеческое достоинство. «На нашем заводе порядки старинные, патриархальные, — писал в октябре 1902 года рабочий Мотовилихинского завода в подпольной газете «Уральский листок». — Заводские инженеры и мастера живут как помещики, рабочих считают своими подданными, обращаются с ними как с крепостными. Рабочего-де не только изругать, а даже ударить можно — ничего, стерпит»⁶. В воззвании к бисертским рудничным и заводским рабочим говорится об «одной из цепных собак хозяина» надзирателе Василевском и его сообщнике штейгере Свистунове, в нескольких пермских листовках и нелегальных газетах писалось об инженере Назарове, «заведомом негодяе», о начальнике молото-кузнечного цеха Федорове, который все время любому рабочему «норовит в уста да в рыло» — таких примеров буквально десятки, и все они однотипны: рабочие говорят о конкретных мастерах, управителях, инженерах, штейгерах, их конкретных действиях, поступках и

---

⁴ Некоторые записи опубликованы, см., напр.: *Блажес В. В., Елизарян Е. Л.* Традиционный рабочий фольклор в современном городе // *Фольклор Урала: Фольклор и историческая действительность*. Свердловск, 1980. С. 21.

⁵ *Революционная и трудовая летопись Южноуральского края: Хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала, 1682—1918*. Челябинск, 1980. С. 164.

⁶ *Листовки пермских большевиков 1901—1917 гг.* // Сост. Н. А. Аликкина. Пермь, 1958. С. 477.

требуют их увольнения⁷. Поскольку эти требования не удовлетворялись, рабочие переходили к доступным им действиям.

20 сентября 1905 года рабочие Мотовилихи выбросили за ворота завода инженера Сеппайна. По этому случаю была выпущена листовка, в которой говорилось не только о «дерзости и занозистости» Сеппайна, но и о его постоянном стремлении унижить человеческое достоинство рабочих: «Можно подумать, что высокомерный инженерик задался целью доказать рабочим, что они не люди, а рабочая скотина. Он, как добрая ищейка, по пятам преследовал рабочих: даже кружка чая, выпитая рабочим в казенное время, вызывала бешеную брань и летела через головы рабочих. И вот случилось то, что должно было случиться: Сеппайна вывели из завода и сделали это в самой исключительной форме. Все это произошло стихийно»⁸. Подробно сообщал своему начальнику помощник пермского уездного исправника: рабочие снарядного цеха «накинулись на своего управителя горного инженера Сеппайна, начали скопом выводить его из цеха; выпроваживая, **надели на него лапти** и до вывода за стены завода **в лицо бросали грязью...**»⁹.

В следующей листовке рабочие сообщали всему городу, что Сеппайна «вывели из завода, так как другого средства избавиться от него не оставалось», и «точно так же разделались с двумя мастерами»¹⁰.

В России издавна существовала поговорка «обуть в лапти» или «переодеть из сапог в лапти», что означало, по Далю, — поставить в еще худшее положение. В таком значении эта поговорка на горнозаводском Урале употреблялась. Так, считая, что рабочие слишком мало работают и много получают, управитель Серебрянского завода в первый же год своей службы публично заявил, что он «всех мерзавцев — серебрянских рабочих в лапти обует»¹¹. Через некоторое время рабочие, доведенные до отчаяния низкими зарплатами, «пытались самого управителя» «обуть в лапти»: толпа рабочих около 120 человек «пришла к конторе и потребовала управителя, который, видимо, догадавшись, в чем дело, не вышел, а послал вместо себя для переговоров подчиненного. Несмотря на многократные требования, управитель побоялся показаться рабочим»¹². В этом случае «обуть в лапти» — групповое действие, напол-

⁷ Листовки пермских большевиков. С. 62, 70, 75, 84, 377, 481 и др.

⁸ Там же. С. 219.

⁹ ГАПО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 113. Л. 115. Один из участников пишет в своих воспоминаниях: «Пришедшего в цех Сеппайна рабочие изловили, натянули на его белоснежный китель грязный и рваный **рогожий куль**, обули **в лапти** и под свист, хохот и ругательства повели по двору к проходной, дали пинка под зад и **метлой замели его следы**» (Зенков И. В. От января к декабрю//Под красным знаменем: Сб. воспоминаний. Молотов, 1957. С. 30).

¹⁰ Листовки пермских большевиков. С. 220.

¹¹ Листовки пермских большевиков. С. 500.

¹² Там же. С. 501.

ненное социальным содержанием: через осмеяние рабочие срамят неугодного им начальника.

Правда, в примерах с инженером Сеппайном, приведенных двумя безымянными мотовилихинскими мастерами и серебрянским управителем, комизм ситуации несколько редуцирован. Но можно привести и более наглядный пример. В 1905 году на одной из кизеловских копей горнорабочие «обули в лапти управителя Шилкова И. И., надели на него грязную замасляющую одежду и повели в гору», т. е. в шахту. «По дороге в гору на переезде к нему присоединили его первого помощника расчетчика Каменского А. И., который хотел укрыться на сеновале, но был найден... К этим двум присоединили еще магазина Старцева А. Н., дали ему в руки худые ведра и заставили всю тройку петь и плясать под хохот толпы. Кроме того, Шилкова в горе заставили работать и пить горную воду, одним словом, показали истинную несносную жизнь горнорабочего»¹³. «В ответ на грубости управляющего Чермозским заводом Пивинского рабочие повели его к реке, заставили напиться холодной воды, искупали в проруби, одели в грязные дерюги, обули в лапти и водили по заводу»¹⁴. Ясно, что основная функция этого комического действия — публично осмеять, осрамить администраторов. Напомним, что, по Далю, срам — стыд, позор, поруганье, бесчестье.

Но чаще рабочие вывозили на тачке администратора. В Верхне-Синячихинском заводе вывезли техника Родионова, точно так же поступили рабочие пермских железнодорожных мастерских с начальником депо Окончицем в 1905 году, в том же году в Белорецком заводе были вывезены на тачке несколько инженеров и «верховых мастеров», среди которых было трое немцев — Коль, Бетхер, Бейер¹⁵. В ноябре 1906 года «рабочие Сосьвинского завода вывезли на тачке ненавистного им служащего, после чего он покинул завод»¹⁶. «Очевидцы рассказывали, как в 1905 г. рабочие усадили на тачку надзирателя Шведова, положили рядом с ним саженную меру и повезли тачку

---

¹³ Очерки, воспоминания о рабочем движении на Урале с 1902 по 1917 г. Т. 1//ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 15. Л. 106, 115. На Воткинском заводе в 1902 г. горному начальнику Трояну «хотели надеть лапти, совали к самому лицу кусок хлеба из горькой муки, заставляли его курить папиросу из махорки...» (Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.: Сб. материалов и док./Под ред. А. Таняева. Свердловск, 1926. С. 77).

¹⁴ Мельников Ф. Е. Западный Урал в революции 1905—1907 гг. Пермь, 1946. С. 89. См также: Быстрых Ф. П. Большевицские организации Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловск, 1959. С. 194.

¹⁵ ПАСО. Ф. 41. ОП. 2. Д. 29. Л. 6; Д. 166. Л. 82.; Д. 181. Л. 127 об.; Сб. документов и материалов по революционному движению 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа, 1956. С. 81, 82, 106; Быстрых Ф. П. Большевицские организации Урала... С. 221; Белорецкий завод//Урал. жизнь. 1906. 28 июня; В.-Синячихинский завод//Урал. край. 1906. 24 янв.

¹⁶ Буранов Ю. А. Революционная борьба рабочих Богословского горного округа в 1906—1907 годах//Вопр. истории Урала. Пермь, 1969. С. 246.

под свист и хохот рабочих с территории завода. За тачкой шел рабочий и усердно заметал след метлой. Это означало, что ворота Шведова на завод больше не должно быть. Та же участь постигла и других служащих — Хлебникова и немца Эслингера»¹⁷.

В 1906 году на Каслинском заводе состоялась забастовка, охватившая все цехи. Забастовщики требовали повышения расценок, увеличения отпуска до одного месяца в летнее время и т. п., а также немедленного увольнения нескольких ненавистных им надзирателей и установщиков. Были вызваны казаки, которые хватали рабочих и силой загоняли на территорию завода. Тогда рабочие «одного надзирателя с оскорбительными насмешками вывели с завода, другого — посадили силой на тачку и вывезли». В конце концов они добились удовлетворения ряда выставленных требований, и были уволены надзиратели Могоалин, Ахлюстин, уставщик Питуев¹⁸.

Рабочий, ощутивший себя личностью, членом коллектива, не мог выносить не только рукоприкладство, но и обычную грубость. «Администрация завода, мастера и другие служащие не должны говорить, обращаясь к рабочим, «ты», а говорить «вы» — такие элементарные нормы культурного общения рабочие должны были завоевывать в классовой борьбе: это одно из 15 требований собрания рабочих Надеждинского завода в мае 1903 года¹⁹. Причем под № 5 рабочие записали: «За грубое обращение с рабочими врач Токарев должен быть отстранен от должности»²⁰. Даже от врача рабочие не хотели переносить грубости. Вообще это редкий случай, чтобы рабочие захолустного поселка потребовали уволить единственного врача. Начальство в течение месяца не увольняло Токарева, и тогда на очередном собрании в Народном доме один рабочий предложил: «Вывезти врача из его дома на тачке на вокзал, а там он знает, куда ехать, не маленький!». Собрание дружно поддержало. Узнав об этом, Токарев на другой же день сам уехал из Надеждинска²¹. На этом же заводе в 1906 году рабочие сначала пригрозили инженеру доменного цеха Кучкину вывезти его на тачке, а через некоторое время, видя, что он относится к рабочим «скверно, побуждаемый стремлением выслужиться перед начальством», наказали его: собрали всех рабочих доменного цеха и провели голосование: «Кто за вывод Кучина, отходи вправо, что против — влево». Большинство оказалось на правой стороне»²².

¹⁷ Коновихин М. Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 53.

¹⁸ Гольдберг А., Волчек К. За светлую долю: По воспоминаниям старых большевиков города Касли. Челябинск, 1957. С. 7—8.

¹⁹ Чащин В. А. В суровые годы: Воспоминания старого большевика. Свердловск, 1957. С. 118.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 130.

²² Там же. С. 171.

Иногда «тачкой» только угрожали, «тачка» была как дамочков меч. Один из рабочих Лысьвенского завода вспоминал, как мастера лудильного цеха Сиротина предупреждали: «Если грубить не перестанешь, вывезут на тачке». И при переходе из травильного цеха в лудильный поставили тачку, **вымазанную дегтем**, чтобы она «напоминала» мастеру, как нужно вести себя²³. В 1906 году рабочие Нязепетровского завода публично пригрозили механику «вывести его на тачке и при всем народе выбросить за заводские ворота», если он будет продолжать «снижать расценки и оскорбительно обращаться с людьми». Через несколько дней механик сам «убрался с завода»²⁴.

И через подпольную печать рабочие действовали таким же образом. В своих письмах в газету «Уфимский рабочий», которая выходила нелегально в 1906—1907 годах, рабочие писали именно о «тачке». А. Х. Митрофанов, бывший редактор «Уфимского рабочего», вспоминал: «Пропечатать кого-либо из администраторов, пригрозить «тачкой» зазнавшемуся мастеру — было обычным содержанием анонимных записочек-корреспонденций из заводов и мастерских. Состоятельность обвинения предварительно проверялась в соответствующем районном комитете партии, и напечатанная в «Уфимском рабочем» корреспонденция производила на виновника такое действие, что действующее лицо или «каялось» в своих прегрешениях, конечно, в большинстве случаев лицемерно, или куда-нибудь переводилось во избежание «прогулки» на популярной тогда «тачке» **под рогожным кулем**»²⁵.

Большевики использовали эту форму протеста рабочих на Ирбитском заводе. Управитель Софонов в течение многих лет высокомерно и злобно понукал рабочими, в ответ на их справедливое требование он мог, например, сказать: «Ваше дело телячье, поели и в хлев» или «Как хочу, так и ворочу, ваш закон у меня в кармане». В конце концов он довел рабочих до того, что у них возникла мысль убить его. Чтобы не допустить этого, большевики предложили забастовать, и началом забастовки было публичное посрамление управителя. «...В 7 часов утра 12 марта 1907 г. пустили тревожный вой гудка. Рабочие начали быстро сходиться в сварочный цех, прибежали рабочие второй и третьей смен. Пригнал и управитель Софонов прямо в толпу рабочих. Делегаты Журавлев Ф., Казанцев С., Ширку-

²³ Воспоминания старых рабочих о событиях 1905 г. на Урале. Т. 1 // ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 14. Л. 240.

²⁴ Бархатов А. В. Повесть минувших дней: Воспоминания подпольщика. Свердловск, 1966. С. 19. Примерно такую же ситуацию, относящуюся к концу 1905 г., описывает дореволюционный писатель П. И. Заякин-Уральский в очерке «В плену у железа» (Избр. произв. Свердловск, 1935. С. 43).

²⁵ Цит. по: Филов В. Тридцать лет: К истории рабочей печати на Урале и к 10-летию «Уральского рабочего». Свердловск, 1928. С. 44. См. также: Материалы по истории уральских заводов. Т. 2// ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.

нов Г. заявили о прибавке зарплаты топочникам паровых котлов Софонов: «Прибавить не могу, а убавить могу». Толпа зашумела, закричала: «На дровни его, за ворота его, на свалку!». В момент появились дровни с длинной веревкой, с худой **хоравиной** (рваный, ржавый лист железа.— В.Б.) насильно посадили. В корень впрягся 60-летний седой старик — Панов Руф Степанович, толпа поймалась за веревку... **С криками, с гамом и уханьем, с воем пожарного гудка** помчали Софопова за ворота на свалку... Рабочие кричали: «Ура!», подростки **били в печные заслонки**»²⁶.

В Уральском горном управлении вели учет всех выступлений рабочих против заводской администрации и особо отмечались случаи публичного осмеяния и вывоза на тачке мастеров, инженеров, начальников цехов на Катаев-Ивановском, Мотовилихинском, Златоустовском, Тирлянском, Аша-Балашовском, Белорецком, Воткинском и других заводах²⁷. Иногда причиной изгнания администраторов было их неумелое руководство производством, которое сказывалось на зарплатке рабочих. Именно за это рабочие вывели из Верх-Исетского завода начальника мартеновского цеха, вывезли на тачке механика Балакина и его помощника Лоцманова²⁸.

Администрация пыталась выработать тактику борьбы с рабочими. Об одной из таких попыток служащих Алапаевского завода сообщила газета «Уральский край»: «Ввиду участвовавших удалений из завода рабочими служащих в заводской конторе недавно состоялось собрание, на котором обсуждался вопрос относительно тактики, которой следует придерживаться, чтобы избежать в будущем подобных явлений. Один из служащих сделал весьма характерное заявление. По его мнению, необходимо водворить в стенах завода полицейскую «рать», которая бы с успехом могла парализовать действия рабочих. Заявление это вызвало возгласы неодобрения среди многих и было отвергнуто начальством»²⁹.

Разумеется, начальство боролось: закрывало цеха, заводы

---

²⁶ *Бороздин И.* Ирбитский завод в огне борьбы: Конец XIX — начало XX в.: Мемуары. Т. I//ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 90. Л. 196. См. также: ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 97 Л. 17., 160; Д. 98. Л. 13; *Нечуждый*. Уральские очерки//Урал. жизнь. 1907. 28 нояб.; Ирбитский завод//Урал. край. 1907. 11 апр.; *Бажов П. П.* Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958. С. 177—178; *Коверда П.* Прочь с завода!//Урал. следопыт. 1982. № 4. С. 70.

²⁷ Террористические акты, насилия, угрозы заводской администрации и т. п. случаи, бывшие на уральских заводах и промыслах в 1902—1908 гг. //ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 76. Л. 230, 231 и след. См. также: Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии. С. 217, 231; Уткинский завод//Урал. край. 1906. 4. 29 янв.; *Досуцкий*. Верхне-Туринский завод//Урал. край. 1907. 4 июля.

²⁸ Воспоминания рабочих Верх-Исетского завода о Февральской, Октябрьской революциях и гражданской войне//ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 63. Л. 105.

²⁹ Алапаевск//Урал. край. 1906. 27 авг.

и требовало, чтобы рабочие извинились перед посрамленным администратором; увольняло организаторов или даже всех участников изгнания, и все-таки вплоть до Октябрьской революции эта форма оставалась в арсенале форм борьбы рабочих. Так, в апреле 1917 года на Верхне-Туринском заводе был организован профсоюз, но управитель Домрачев высокомерно заявил председателю заводского комитета профсоюза: «Я не признаю Совет собачьих депутатов». Тогда председатель собрал митинг и рассказал об оскорбительном поведении управителя. Рабочие тотчас же разыскали Домрачева, ...доставили капелевскую вагонетку и **мешки из-под графита**, ...посадили управителя на мешки, а один **надели на голову** и покатали тележку по заводским улицам...». Управителя «подвезли к его квартире, сняли мешок с головы, **...потребовали рубль на чай** за то, что долго катали его по заводским улицам; ...после этого Домрачев на заводе не появлялся»³⁰.

Наконец, рабочие могли выгнать мастера за взяточничество. Так как на уральских заводах существовал избыток рабочей силы, были введены так называемые «гулевые» дни и недели. На этом стремились нажиться мастера, начальники цехов, от которых зависело распределение работы. Можно привести интересный своими подробностями отрывок из воспоминаний ветерана Нижне-Уфалейского завода А. Н. Агапиптова: «В листопрокатном цехе работал начальником Чудинов. Он был взяточник: ему тащили яйца, масло, везли сено и дрова, ничем не брезговал, ни от чего не отказывался. В мае 1917 г. Чудинов послал несколько человек на гулевую неделю после полутора отработанных. Эти рабочие вышли из цеха и возмущенно заговорили, что начальник одним дает работать четыре недели, а другим только полторы. В это время проходил мимо литейщик Костя Селиванов и говорит: «Эх вы, да разве царское время теперь, надо выгонять таких начальников». Тут же побежал в склад, взял **мешок из-под сурика** и с этим мешком все пошли в листопрокатный. Нашли Чудинова и **надели на него мешок** и вывели из цеха. Довели до угла сутуночного цеха и отпустили. Чудинов сбросил с себя мешок — **как черт весь в сурике!** Без фуражки побежал в квартиру управителя... Листопрокатный, сутуночный, механический цеха самопроизвольно остановились, рабочие начали митинговать. От волостного правления бежит урядник Гижевских с криком: «Что за бунт, немедленно разойтись!» Костя Селиванов вышел из толпы и говорит: «Никакого бунта нет, а только вывели из завода ненужных начальников. Раз старой власти нет, то и ты, урядник, уже не власть» и сорвал с него шапку. Урядник присел, руками начал махать, хотел что-то кричать, но вместо этого, вместо слов получилась икотня... А на другой день стало известно, что управитель, на-

---

³⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 157. Л. 47.

чальник листопрокатки и урядник ночью уехали из Нижнего Уфалея с семьями»³¹. Отметим еще, что в дореволюционной уральской литературе также встречаются подобные характерные эпизоды рабочей жизни. Кроме упомянутого П. И. Заякина-Уральского, можно назвать еще повесть «Перед грозой» А. Погорелова, написанную в конце XIX в. А. Погорелов описывает, как «мастеровые Надеждинской волости в числе 1215 человек» потребовали удаления управляющего Сонегина в течение 24 часов. Его вывезли на железнодорожную станцию, и «вывоз» был соответственно организован: подали старую, **грязную** «коляску», запрягли **«разномастных»** лошадей, одна из которых была **хромая**; кучер — угольный мастер Панфилов — был костюмирован контрастно: на голове у него «изъеденный молью пуховой цилиндр древнего образца», а на ногах новые сапоги с резиновыми галошами (один из героев называет его в таком наряде «вороной в павлиньих перьях» и «чучелом гороховым»). За оклицей позорную коляску с управляющим встретила толпа мастеровых: «выстроились, как солдаты, по обе стороны дороги — проводы устроили». Эти «проводы» репликами персонажей характеризуются как «фарс», «комедия», «цирк», балаган»³².

Из приведенных примеров видно, что смех коллектива был направлен на конкретных лиц, изгнание которых с завода было актом общественного бесчестия. Посрамлению подвергались главным образом лица, обладающие властью на заводе, руководители производства³³. Эта форма протеста была действенной: в подавляющем большинстве случаев рабочие добивались поставленной цели, администратор уходил с предприятия, уезжал из поселка, хотя, конечно, были исключения.

Повод к выступлению рабочих мог быть незначительным, но причина почти всегда носила социально-политический характер, и социал-демократы, помогая рабочим осознать свое положение в системе капиталистического общества, стремились использовать эту форму протеста и направить его в русло организованной классовой борьбы. Общественному осмеянию были подвергнуты руководители производства на Серебрян-

³¹ Агапов А. П. История Нижне-Уфалейского завода. 1963 г. Рукопись (хранится в библиотеке пос. Нижний Уфалей, Челяб. обл.).

³² Погорелов А. Перед грозой//Русское богатство. 1899. № 12. С. 20—24.

³³ Отдельно могут быть рассмотрены случаи, когда изгонялись из коллектива рабочие за наущничество, лакейское поведение, воровство, пьянство и другие нарушения норм рабочей морали. Например, в 1905 г. на Мотовилихинском заводе были выведены токари Пошкин и Чирков (ГАСО. Ф. 318 р. Оп. 1. Д. 76. Л. 230). В 1906 г. рабочие Челябинских железнодорожных мастерских, убедившись, что сторож Ш.— провокатор, вывезли его на тачке: «Сейчас же была привезена тачка, посажен Ш., демонстративно провезен перед собранием, чтобы все видели, и вывезен на кучи. Собрание продолжалось два часа при образцовом порядке (*Перекапитале*. Из жизни рабочих//Урал. край. 1906. 15 авг. См. также: Высший подъем революции 1905—1907 гг. М., 1955. Ч. 2. С. 794).

ском, Нейво-Шайтанском, Верхне-Синячихинском, Алапаевском, Белорецком, Сысертском, Верхне-Уфалейском, Сосьвинском, Миньярском, Каслинском, Надеждинском, Ирбитском, Верх-Исетском, Верхне-Туринском, Воткинском, Тирлянском, Катав-Ивановском, Златоустовском и других заводах, на Кизеловских шахтах, в Пермских железнодорожных мастерских... Список может быть продолжен, но важно подчеркнуть, что рассматриваемое явление имело широкое распространение на Урале³⁴, причем оно характерно и для крупных заводов типа Мотовилихинского, и для небольших заводов, таких, как Нижне-Уфалейский.

«Обувание в лапти» и «вывоз на тачке» — это две разновидности одной формы социального протеста, которая имела закрепленную линию поведения всех участников, постоянную атрибутику, определенную цель и направленность. Конкретный материал убеждает в том, что это был обычай. Его «можно определить как исторически сложившиеся способы поведения в виде целесообразных действий, которые совершаются людьми той или иной общности в силу привычки, воздействия общественного мнения и воспроизводятся без изменения в течение длительного периода времени»³⁵. Обычай публичного осмеяния издавна существовал у русских. Не вдаваясь в историю его бытования, отметим, что он был, например, в Новгороде в конце XV в., когда шла борьба с еретиками. Их подвергали телесным наказаниям, ссылали в отдаленные монастыри, а также садили «на лошадей лицом к хвосту, в одежде рукавами назад, в шутовских колпаках из бересты и с надписью «Се есть сатанино воинство». Их водили по городу, причем жителям было велено плевать на них»³⁶.

Обычай публичного осмеяния заводских администраторов генетически связан не только со старинным русским обычаем изгнания из определенного круга неугодных личностей, но и с народной комикой, народной смеховой культурой.

Известно, что в любом народном действе, театрализованном представлении важное значение имеет костюм, ибо он внешне отличает отдельного участника от всех других. Поэтому рабочие в первую очередь стремились именно костюмировать изгоняемого. Его костюм был, разумеется, условный, но имел вполне значимые реалии. Поскольку в производственных усло-

---

³⁴ Кстати сказать, публичное осмеяние входило в практику классово-борьбы и в других регионах России, но здесь нет возможности этого касаться.

³⁵ *Закович Н. М.* Советская обрядность и духовная культура. Киев, 1980. С. 18.

³⁶ *Церковь в истории России (IX в.— 1917 г.): Критические очерки.* М., 1967. С. 83. Совершенно очевидно, что можно говорить о связи этого обычая с символическим антиповедением. См.: *Успенский Б. А.* Антиповедение в культуре Древней Руси//Пробл. изучения культурного наследия. М., 1985. С. 326—337.

виях многое невозможно использовать, да и не было в этом особой необходимости, в дело шло то, что находилось под рукой, и костюмировались лишь верх и низ, голова и ноги.

На управителя завода или мастера надевались лапти — это была основная обувь подавляющего большинства рабочих уральских заводов, сапоги носили только высококвалифицированные токари, слесари, доменные мастера. Обуть начальника цеха или инженера в лапти — значит как бы уравнивать их с собой и, кстати сказать, эта же идея уравнивания лежит в других действиях рабочих: начальника заставляют спуститься в шахту, помахать там каелкой, попить ту же горную воду, которую пьют шахтеры, поесть хлеб из недоброкачественной муки, который вынуждены есть рабочие и т. п.

И в то же время лапти на начальнике — знак не столько его «равенства» с рабочими, сколько превосходства рабочих, ведь силой надетые лапти делали фигуру начальника комической. У русских всегда «особенную роль в смеховых переодеваниях имели рогожа, мочала, солома, береста, лыко. Это были как бы «ложные материалы» — антимаериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами»³⁷. Начальник цеха в лаптях — уже ряженный, уже участник комического действия.

Кроме того, народно-поэтическая традиция предписывает участнику представления загримировать или хотя бы закрыть чем-нибудь лицо, чтобы не быть узнаваемым и тем самым достичь большего художественного эффекта. «Стремление актера так одеться и загримироваться, чтобы не быть узнаваемым, — в народном театре явление очень распространенное, — пишет П. Г. Богатырев. — Это одна из основных функций перевоплощения»³⁸. У народа существует ряд способов гримировки, один из них — неестественная окраска лица, когда оно мажется какой-нибудь краской, сажей или смачивается водой и обсыпается мукой, другой — прикрытие лица распущенными волосами, куском ткани. У рабочих то же явное стремление «загримировать» начальника. Но если народный актер где-то «за кулисами» сам обсыпает мокрое лицо мукой или прикрывает его лукошком, платком и т. п., то здесь как бы пародируется настоящий грим: начальника публично обливают водой и обсыпают мусором, на голову надевают мешок из-под краски, куль из-под угля или мажут грязью...

В руках рабочих обычные производственно-бытовые предметы меняли свои функции, становились реквизитом, бутафорией: печная заслонка превращалась в самодельный барабан,

---

³⁷ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 20.

³⁸ Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 106.

мешок из-под угля — в шутовской колпак и т. п.³⁹. Особую роль играли чуман, тачка. К тому же ее иногда мазали дегтем, который всегда знак публичного позора. Такой «транспорт» обычно использовался для вывозки отходов, мусора и тем самым высмеиваемый администратор как бы приравнивался к тому же мусору, ему навешивался яркий бросовости, ненужности, отторженности от массы заводчан.

Идея отторженности от рабочей массы лежала и в пространный организации этого комического действия: высмеиваемый выдвигался за четко обозначенную границу — из цеха, из мастерских, за ворота завода.

Кроме того, за тачкой иногда шел рабочий с метлой и заметал следы — так символически закреплялось изгнание администратора, подчеркивалась окончательность изгнания. Здесь опять-таки в народном плане переосмыслена символика старых народных поверий, в которых фигурировали веник, дорога, заматывание следа⁴⁰.

Когда «обували в лапти» или «вывозили на тачке», между участниками и зрителями не было строгого разделения, по сути дела, все были участниками, но, разумеется, выделялись «солисты». К ним следует отнести, очевидно, наиболее сознательных, наиболее активных, неформальных лидеров, которые создавали общественное мнение, энергично действовали в решающий момент и делали все для превращения администратора в ряженого.

В народных гуляниях, свадьбах, некоторых календарных обрядовых праздниках человек в маске, ряженный всегда находится в атмосфере словесной и не только словесной фамильярности. Естественно, что и с ряженым администратором следовало соответственно обращаться: дать в руки худые ведра, заставить приплясывать, освистать, закричать в лицо, толкнуть, бросить в него ком грязи, и по заводской территории вся процессия двигалась под рев пожарного гудка, гиканье, насмешливые восклицания, едкие реплики, злые высказывания. Это была кульминация, ибо классовая ненависть массы рабочих находила резкий и даже грубый эмоциональный выход. «Смех не только признак силы, но сама сила», — сказал А. В. Луначар-

---

³⁹ «Вывод обставляется такой торжественностью, перед которой бледнеют московские манифестации истинно русских людей, — иронизировал местный журналист. — Угольные мешки, заменяющие флаги, железные ведра, играющие роль барабанов, приличествующие случаю речи, величественное хоровое пение...» (*Зл-ов П. Маленький фельетон//Урал. край. 1907. 7 июня*).

⁴⁰ Приведем уральский пример. Уже в советское время были сделаны такие наблюдения в Соликамском районе Пермской области: «...Лично знаю ряд случаев местонахождения подков на порогах в избах и шест с веником на дороге возле дер. Новинки — символ заматывания следа, чтобы не вернулся вновь леший, который в течение нескольких лет беспокоил деревню своими страшными явлениями» (Неустановленные авторы. Фольклорные записи. 26 янв. 1937 г.//ГАСО. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 33. Л. 12 об.).

ский по другому поводу, однако эти слова как нельзя лучше подходят к данной ситуации, определяют ее сущность. Рабочие торжествовали победу, пусть временную, но такие победы вселили уверенность в силу рабочего братства, в силу рабочего коллектива. Такие победы способствовали укреплению чувства солидарности рабочих и, следовательно, можно говорить еще и о воспитательной функции этого обычая.

Из сказанного ясно, что революционные традиции пролетариата формировались, опираясь на народно-национальные формы культуры.

Рассмотренный обычай в 1920-е годы принял новый вид. «Смех хотя и не сразу, но занял почетное место в советской праздничной культуре, которая в «политкарнавале» стала применять его как универсальное средство воспитания в массах чувства коллективности, уверенности и подъема, привлечения их внимания к актуальным моментам строительства и политической борьбы»,— пишет А. И. Мазаев⁴¹. Конкретно это выражалось в различных сатирических плакатах, движущихся изоустановках, комических сценках, разыгрываемых участниками шествий, демонстраций, и в их числе была «тачка с Пуанкаре, Эбертом и другими, которых грузчик везет на свалку»⁴².

---

⁴¹ Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978. С. 361.

⁴² Там же. С. 361.